

УДК 811'276:398.224(=512.153)
DOI 10.25587/v7085-9383-3056-d

М. Д. Чертыкова, А. Д. Каксин
Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ БОГАТЫРСКОГО ВИДЕНИЯ МИРА: на материале героического сказания «Албынчы»

Аннотация. Данная статья является продолжением цикла статей, посвящённых лингвистическому описанию основных видов восприятия окружающего мира в хакасских фольклорных текстах. Цель статьи – выявление и описание лексических и структурных особенностей отражения богатырского видения мира в языке. Материалом семантико-когнитивного анализа послужили глагольные лексемы, выражающие зрительное восприятие, собранные методом сплошной выборки из текста хакасского героического сказания «Албынчы». Всего в тексте мы насчитываем 137 случаев языковой реализации концепта «зрительное восприятие». При этом в анализируемых контекстах действующим индивидом, соответственно, субъектом восприятия, является богатырь/богатырша, поэтому в исследовании перцептивных процессов рассматривается позиция этих главных эпических героев, в чём и заключается когнитивный аспект данного исследования. Актуальность нашего исследования обусловлена недостаточной изученностью концепта «зрительное восприятие» в других тюркских языках, а также отсутствием работ по исследованию данного концепта на материале фольклорных текстов. Новизна проведённого исследования заключается в том, что впервые в семантико-когнитивном и лингвокультурологическом аспектах описывается богатырское видение мира на материале героического сказания, как фрагмента фольклорно-языковой картины мира.

В хакасском языке репрезентация зрительного восприятия, по нашим сведениям, осуществляется 10 глагольными единицами. Однако в тексте героического сказания «Албынчы» используется только один глагол **көр-** «смотреть; видеть», в некоторых контекстах прослеживается его сочетание с другим глаголом зрительного восприятия **хара-**, характеризующим процесс зрительного восприятия. Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что глагол **көр-** «смотреть; видеть» имеет богатый лексический, грамматический, синтагматический потенциал и обеспечивает всё необходимое когнитивное представление о зрительном восприятии окружающего мира во всём его многообразии. Фольклорно-языковая система хакасов имеет очень много неизученных, неразгаданных, а от того и интересных в лингвокультурологическом плане концептуальных полей. Считаем, что данная тематика имеет хороший лингвистический потенциал и перспективу для будущих исследований.

Ключевые слова: героическое сказание «Албынчы», Семён Прокопьевич Кадышев, хайчы, богатырь, зрительное восприятие, концепт, глагол **көр-** «смотреть; видеть», семантика, сочетаемость, хакасский язык.

M. D. Chertykova, A. D. Kaksin

Linguistic expression of hero's visual perception: the case of the *Albynchy* heroic legend

Abstract. This article is a continuation of a series of articles devoted to the linguistic description of the main types of perception of the world in Khakas folklore texts. The purpose of the article is semantic-cognitive analysis,

ЧЕРТЫКОВА Мария Дмитриевна – д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия.

E-mail: chertikova@yandex.ru

CHERTYKOVA Maria Dmitrievna – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of Institute of Humanities Researches and the Sayan-Altai Turkology, N. F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russia.

E-mail: chertikova@yandex.ru

КАКСИН Андрей Данилович – д. филол. н., в. н. с. Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, Абакан, Россия.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

KAKSIN Andrey Danilovich – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher of Institute of Humanities Researches and the Sayan-Altai Turkology, N. F. Katanov Khakas State University, Abakan, Russia.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

identification and description of the lexical and structural features of the reflection of the heroic vision of the world in language. The material of semantic and cognitive analysis was verbal lexemes expressing visual perception, collected by the method of continuous sampling from the text of the Khakas heroic legend *Albynchy*. In total, in the text we have 137 cases of linguistic implementation of the concept of «visual perception». Moreover, in the analyzed contexts, the active individual, respectively, the subject of perception, is the hero/heroine, therefore, in the study of perceptual processes, the position of these main epic heroes is considered, which is the cognitive aspect of this study. The relevance of our study is due to the insufficient study of the concept of “visual perception” in other Turkic languages, as well as the lack of work on the study of this concept on the material of folklore texts. The novelty of the study is that for the first time in the semantic-cognitive and linguoculturological aspects the heroic vision of the world is described on the basis of heroic legends as a fragment of the folklore-linguistic picture of the world.

In the Khakas language, the representation of visual perception, according to our information, is carried out by 10 verb units. However, the text of the heroic legend *Albynchy* uses only one verb **көр-** “look; see”, in some contexts its combination with another verb of visual perception **хара-**, characterizing the process of visual perception, can be traced. The study allows us to conclude that the verb **көр-** “look; see” has a rich lexical, grammatical, syntagmatic potential and provides all the necessary cognitive representation of the visual perception of the world in all its diversity. The folklore-linguistic system of the Khakases has a lot of unexplored, unsolved, and therefore interesting in terms of linguoculturological conceptual fields. We believe that this topic has a good linguistic potential and perspective for future research.

Keywords: the heroic legend *Albynchy*, Semen Prokopievich Kadyshev, khaichi, hero, visual perception, concept, verb **көр-** “look; see”, semantics, compatibility, Khakas language.

Введение

Язык фольклорного текста, как средство формирования и хранения многовековой народной мудрости и национальной культуры этноса – носителя конкретного языка, представляет собой своеобразное и сложное стилевое построение в системе жанров устного народного творчества. Исследование данного языкового феномена, отражающего фрагменты национальной картины мира, позволяет выявить накопленные знания и исторические информации, имплицируемые в границах данного жанра. «Язык фольклора – это система языковых единиц различного уровня, сложившаяся в процессе художественного творчества в пределах текста устно-поэтического произведения» [1, с. 17]. Памятники устного народного творчества характеризуются наличием традиционных готовых и обработанных способов их передачи из поколения в поколение. Однако здесь присутствует некая незначительная изменчивость коммуникативного плана. В процессе передачи фольклорных сокровищниц особую роль играют исполнитель и его слушатели. Эти слушатели впоследствии являются потенциальными исполнителями (рассказчиками) фольклорного текста. М. А. Венгранович пишет, что слушатель, на определённом этапе становясь исполнителем услышанного когда-то фольклорного текста, при его воспроизведении вносит в него – под воздействием новой ситуации и нового состава слушателей – свои изменения, таким образом создаёт новый вариант единого гипертекста [2, с. 64]. Об этом же пишет и известный фольклорист В. Я. Пропп: «Если читатель литературного произведения есть как бы лишенный всяких полномочий бессильный цензор и критик, то всякий слушатель фольклора есть потенциальный будущий исполнитель, который в свою очередь – сознательно или бессознательно – внесёт в произведение новые изменения» [3, с. 23]. Подтверждением сказанному является тот факт, что хакасское (и не только хакасское) исполнительское искусство дошло до нас посредством передачи из поколения в поколение. Почти все хакасские исполнители героических сказаний являются потомственными сказителями – *хайчы/хайджи*. Таким образом, отражающие мировоззрение конкретного этноса фольклорные образы с течением времени закрепляются определёнными словесными формулами: в некоторой степени происходит изменение в семантической тональности, грамматических и синтаксических формах. «Став средством формирования, существования и хранения канонического искусства, язык фольклора замедляет темпы изменений, что приводит к накоплению архаизмов различного типа, которые постепенно начинают осмысляться как средство эстетическое, а это отзыается на всех других ярусах устно-поэтической речи. Сложность в том, что система языка фольклора неоднородна» [2, с. 12]. Надо отметить, несмотря на различного рода трансформации фольклорного текста,

происходящие по требованиям времени, в целом остаются неизменными его идейная, внешняя и внутренняя основы. С другой стороны, если в один период времени разные рассказчики исполняют определённое фольклорное произведение, то можно судить о его распространённости (популярности) и народности. В. Е. Майногашева считает, что «сбор нескольких сводных вариантов эпоса необходим не только для изучения творческой индивидуальности того или иного сказителя, но и для изучения творческой истории эпоса. Он мог бы помочь выявить, развивается ли эпос в данное время, относятся ли сказители к эпосу, как к произведению, которое консервировалось, или продолжает развиваться» [4, с. 78]. Автор данных строк сожалеет, что хакасское героическое сказание «Албынчы» записано только от одного известного сказителя Семёна Прокопьевича Кадышева. Из-за отсутствия его сводных вариантов невозможно судить, насколько оно было популярным в народе [4, с. 78]. Но героическое сказание «Албынчы» было истинно народным произведением, о чём свидетельствует его содержание, где главным героем является богатырь Албынчы, сын злого богатыря Хулатая и чудовища – богатырши Узут Арыг. Он «с малых лет испытал страдания и лишения. Бедняк, не имеющий даже имени, он в поисках народного счастья» [5, с. 6]. Однако Албынчы всем сердцем любил свой народ и свою землю, ради них и боролся с чёрными силами. Сказание завершается победой Албынчы и ликованием освобождённого народа. Идейность содержания данного героического сказания отвечает на вопрос: кем же создавались эти памятники устного народного творчества: простым народом или верхушкой – аристократией общества тех древних времён. И Семён Прокопьевич Кадышев, подаривший новому поколению героическое сказание «Албынчы», был народным *хайджи*. Как описывают в Предисловии его первого издания В. И. Доможаков и И. С. Кычаков, в деревне по вечерам в каком-либо доме или в тёплое время года в юрте, собирались много народа, чтоб послушать его песни и сказки. Его пение всегда сопровождалось звуками чатхана – хакасского семиструнного музыкального инструмента. Сам Семён Прокопьевич обычно говорил: «Для меня конь – чатхан. Путнику необходим конь, а сказителю – чатхан» [5, с. 5].

История записи и издания героического сказания «Албынчы» изложена в статье Т. Г. Тачеевой [6, с. 201]. Как мы знаем, в первые же годы после создания Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ХакНИИЯЛИ) научные сотрудники вели активную и плодотворную работу в плане подготовки и издания школьных грамматик и словарей. Также совершились многочисленные экспедиции в отдалённые деревни Хакасии с целью сбора языкового и фольклорного материала. В 1948 г. Семён Прокопьевич Кадышев (родился в деревне Трошкино Ширинского района) был приглашён ХакНИИЯЛИ в Абакан, поскольку среди других сказителей он отличался своей одарённостью и богатством репертуара. В первый же вечер в квартире директора института Николая Георгиевича Доможакова Семён Прокопьевич исполнил сказание «Албынчы» (в народе оно известно под названием «Хулатай»). Его слушали писатель-фольклорист А. Я. Гуревич, хакасский писатель, хороший знаток фольклора своего народа М. Е. Кильчикаев и др. А. Я. Гуревич слушал его очень внимательно. На второй день фольклорист снова попросил исполнить это сказание. Семён Прокопьевич снова исполнил сказание о популярном богатыре Албынчы. Было решено, что сказание нужно записать и издать на хакасском и русском языках. Сказание записал хакасский учёный, педагог Дмитрий Иванович Чанков. На русский язык перевел И. С. Кычаков. И это стало первым сказанием хакасского народа, опубликованным в русском поэтическом переводе. И в 1951 г. вместе со сказанием «Ах ой аттығ Алып Хан» («Хан Богатырь с бело-буланой лошадью»¹), записанным Н. Г. Доможаковым от сказителя Семёна Прокопьевича, был издан в одном сборнике [6, с. 201].

Глагольная презентация богатырского видения мира

В своей статье мы ставим целью семантико-когнитивный анализ, выявление и описание лексических и структурных особенностей отражения богатырского видения мира в языке. Материалом семантико-когнитивного анализа послужили глагольные лексемы, выражающие зрительное восприятие, собранные методом сплошной выборки из текста хакасского героического сказания «Албынчы». Всего в тексте мы насчитываем 137 случаев глагольной презентации концепта «зрительное восприятие».

¹ Перевод автора.

Во всех контекстах субъектом процесса зрительного восприятия выступает богатырь/богатырша, поэтому когнитивный аспект нашего исследования предусматривает видение мира с позиций главных героев нашего эпоса – богатырей. Анализ нашего материала показывает такие случаи выражения семантического субъекта в предложении:

А) Имя богатыря/богатырши: *Одырын Xan Мирген көр турза, / Күп төзектің алында / Торғыз көзене түс партыр* [7, с. 34] ‘Хан Мирген, сидит и видит, перед мягкой постелью, / Оказывается, упал шёлковый занавес’¹. *Алтын Текк ах ёрге ибдең сых килген, / Алтын кірлезінің үстүнде / Мыны көріп түрчададыр* [7, с. 47] ‘Алтын Текк вышел из белой ханской юрты, / на золотом крыльце / Стоит и смотрит на всё это’. Большая часть примеров с глаголами восприятия представлена такими повествовательными предложениями, т. е. в виде художественных описаний от лица говорящего – наблюдателя.

Б) Грамматические средства, в частности, личные синтетические формы сказуемости, при этом «сказуемость является речевым выражением акта мысли и потому составляет основу предложения» [8, с. 16]. Как показывает наш материал, в выражении зрительного восприятия представлены все три формы лица, но превалирует, в основном, форма третьего лица единственного числа. Показатели первого и второго лица указывают на то, что действие (в нашем случае, зрительное восприятие) совершается говорящим, это значит, что в тексте слова богатыря/богатырши включаются в прямую речь: *Хан Чачах нандыр тур: – Улуг ойынға парғанча, Албынчы абаамның / Ах хүү тайаын паза ай үлгүзі меспегін көрерчікіс* [7, с. 101] ‘Хан Чачах отвечает: – Чем идти на большое состязание, мы бы посмотрели белую трость и луноподобную булаву дяди Албынчы’. *Хулатай тұра сегірген: – Адыр тохта, ала хас, / Синдең ала хасты мин / Алында даа көрчөңмін* [7, с. 30] ‘Хулатай вскочил: – Ну, погоди, пёстрый гусь, / Таких пёстрых гусей, как ты, / Я видел и раньше’.

В) Если же субъект не называется в предложении, то обширный контекст, однозначно, подразумевает его присутствие: *Көзенені көдіріп көрібссе, / Хыс кізі үзүпчадыр* [7, с. 34] ‘Подняв занавес, видит, / Спит девушка’. *Күміс осхас сәйктері, күнге сусталып, / Анда көрініп, анда 乍-дыпчададыр* [7, с. 112-113] ‘Сверкая на солнце, [его] серебристые кости виднеются там (букв. виднеясь, там лежат)’. Подобные предложения, являясь незаконченным высказыванием, представляют собой часть широкого контекста – описания одной ситуации или события.

Среди пяти видов восприятия человеком окружающего мира (зрение, слух, обоняние, вкус, осязание) наиболее действенным считается зрительное восприятие. Человек получает значительный объём информации из внешнего мира благодаря способности видеть. Помимо того, в освоении человеком окружающего мира «зрительное восприятие является одним из основных каналов приёма, обработки и передачи информации» [9, с. 140]. Языковая презентация зрительного восприятия также характеризуется разнообразием лексических обозначений, особенно, в глагольной сфере. Тем самым глаголы со значением зрительного восприятия отражают один из наиболее важных для человека видов перцептивной деятельности – восприятие окружающего мира органом зрения – глазами. В хакасском языке базовым глаголом со значением зрительного восприятия является *көрерге* (*көр-*): 1) видеть; обладать зрением; 2) смотреть, глядеть, воспринимать зрением *что-л.*; 3) присматривать, ухаживать за *кем-л.*; 4) испытывать, переносить, претерпевать, переживать *что-л.*; 5) сознавать, понимать *что-л.*; 6) находить, считать *кем-л.*, *чем-л.*, принимать за *кого-л.*; 7) в качестве вспомогательного глагола обозначает, что действие совершается для пробы; 8) вводное слово (выражает иронию): *көріңдердек се аны посмотрите-ка на него*; 9) *вводное слово* (обозначает источник высказываемой мысли; *мин көргенде* на мой взгляд [10, с. 205-206]. Данный глагол в различных фонетических вариантах представлен во всех тюркских языках (тув. *коор-*; як. *кор-*; кырг. *кор-*; азерб. *гөр-*; тур. *զօր-* и т. д.), где его первоначальное значение «смотреть, видеть» получило семантическое развитие в вариантах: «испытывать», «ухаживать», «считать», «оценивать». Однако в Древнетюркском словаре семантика данного глагола представлена несколько иначе: 1) видеть, смотреть; 2) по-виноваться, подчиняться; 3) испытывать, иметь; 4) слушать, воспринимать; 5) загадывать; 6) в знач. служ. глаг. [11, с. 317].

¹ Здесь и далее – перевод автора.

Семантико-сintагматические способы выражения зрительного восприятия глагола *кör-* «смотреть; видеть»

Для описания перцептивного действия в тексте героического сказания «Албынчы», почти во всех (как было отмечено выше, в 136 из 137) случаях используется глагол *кör-* «смотреть; видеть», исключение составляет только один пример с глаголом *пахла-* в значении «высматривать».

Наиболее часто встречается данный глагол с аффиксом условного наклонения *-са/-се; -за/-зе*: *Сыгара ойлап киліп, кöribisse, / Аран-чула хара хула ат / Ат сомы ах тас пол парыбыстыр* [7, с. 14] ‘Когда, выбежав, **посмотрел**, / То богатырский вороной конь, / Оказывается, превратился в белый камень лошадиной формы’. *От отахтың кистіне пас киліп, кör тұрза, / Ыс азыр пастығ ах сип өс парған тұрча* [7, с. 25] ‘Когда обошла шалаш, **видит**, / Что выросла белая сарана с тремя вершинами’.

Выражение отношений обусловленности условными конструкциями – придаточными частями простых и сложных предложений – это частое явление в тюркских языках. «Форма на *-са* обслуживает блок темпоральных конструкций, выражая временные отношения между событиями; и блок конструкций обусловленности, передавая семантику условия совершенного действия» [12, с. 95-96]. Подобные предложения в функционально-сintаксическом аспекте активно исследуются в сибирских тюркских языках [13, 14 и др.]. Условные зависимые конструкции с формой на *-са* (в нашем случае – с глаголом *кör-* «смотреть; видеть») в составе сложно-подчинённых предложений не всегда передают семантику причинную, временную связанность двух событий. В Грамматике хакасского языка отмечается, что глаголы *кör-* «смотреть; видеть» и *ис-* «слушать; слышать» в форме условного наклонения могут передавать действия относительно настоящего времени, не являющегося условием: *Иссем: аны адабинчалар* (ЛЧ) – **Слышишь**: его не называют. *Чахсы кör кörзе: сосхалар* (МО) – **Когда посмотрел** хорошоенько: свиньи. Иногда значение настоящего времени в этих случаях усиливается добавлением к основе аффикса настоящего времени *-чат/-чет*: *Кörчетсем: хойныңда толдыра книгалар* (ЛЧ) – **Смотрю**: полные руки книг. *Истiнчесе, ибзертін үн истілче* (ЛЧ) – **Слышишь**: из дома слышится голос [15, с. 193]. Наши примеры из героического сказания «Албынчы» подтверждают данный тезис: субъект является непосредственным свидетелем происходящего действия, т. е. действие происходит на его глазах: *Чарых Коок хыс, оңнап, сынап, кör тұрза, / Күн харагы, чабырылып, тұс пари, / Иир тұзы кил чидібістір* [7, с. 29] ‘Девушка Чарых Коок спохватилась и **видит**, / Что солнце ушло вниз, / И наступает вечер’. *Алтын чечпе тозіне пас киліп, кör тұрза, / Хара хула ат чит киліп тұрча* [7, с. 55] ‘Когда [он], подойдя к золотой коновязи, **посмотрел**, / Вороной богатырский конь, вернувшись, стоит’. *Алтын Поос кör тұрза, / Хулатайның хара хула ады ту тур салтыр* [7, с. 56] ‘Когда **посмотрела** Алтын Поос, / Оказывается, стоит богатырский вороной конь Хулатая’. *Анаң, кörіп тұрза, / Хулатайның хара хула ады мында тұрынча* [7, с. 56] ‘Затем **смотрит**, / Вороной богатырский конь Хулатая стоит здесь’. Как видим из приведённых примеров, глагол *кör-* «смотреть; видеть» в форме на *-са* является связующим звеном между главным и придаточным (зависимым) частями предложения (когда посмотрел, ...), ориентированным на указание какого-либо определённого события или явления. Событие же происходит вне зависимости от семантического субъекта, который является только его свидетелем.

Глагол *кör-* «смотреть; видеть» в качестве основного предиката придаточной части предложения часто принимает аффикс совершенного вида *-iбіс-*, вносящего в его семантику неожиданность и завершённость действия. Главная же часть сложноподчинённого предложения описывает различные картины, внезапно представившие перед взором богатыря/богатырши. Это может быть:

а) один из персонажей героического сказания: *Алып Хан Хыс кöribisse, <...> / Арыз сіліг ир пала тур салтыр* [7, с. 56] ‘Когда Девушка Алып Хан **посмотрела**, <...> / Стоит красивый мальчик’. *Хулатай, тулагазын аза тартып, кöribisse, <...> / Тіріг ле хорғыстығ ниме турчадыр* [7, с. 48] ‘Когда Хулатай, открыв забрало, **посмотрел**, <...> / Стоит очень страшное чудовище’;

б) какое-либо событие или ситуация: *Алып Хан Хыс чачазы кöribisse, / Хан Мирген хайдагда нимені / Көдіріп кир килген* [7, с. 36] ‘Когда [его] тётя богатыра Хан Хыс **посмотрела**, / Хан Мирген с собой что-то / Затащил в дом’. *Олар, ізік азып, кöribissелер, / Хара хула аттығ*

Хулатай иніп тұс кили, / Ахсына ах хозан ызырын салтыр. / Ах хозан ызырын салған тін көрзелер, / Эзгінің сағалы хурчаңа чит парыбысхан [7, с. 122-123] ‘Когда они, открыв дверь, посмотрели, / Хулатай на своём вороном коне скакет со стороны хребта, / Во рту держит белого зайца. / Когда им показалось, что у него во рту белый заяц, / На самом деле оказалось, что его борода выросла до пояса’;

в) результат какого-либо свершившегося действия: *Тұн Хара көрібіссе, сарсың хараҳтығ тас / Ұға чабал сырайлығ пол парыбыстыр [7, с. 80] ‘Когда Тун Хара посмотрел, одноглазый слуга / Превратился, оказывается, в чудовище’. Алып Хан Хыс, ізік азып, көрібіссе, / Үс азахтығ хара пии <...> / Орты хабырғача хара чирге тұс парған тур [7, с. 58] ‘Когда Девушка Алып Хан, открыв дверь, посмотрела, / Трёхногая чёрную кобылицу <...> / Засосала в землю до половины рёбер’.*

Отличительной особенностью рассмотренного зрительного восприятия богатырей является то, что для них объект восприятия бывает неожиданным. Данный признак обозначается соответствующими грамматическими и синтаксическими средствами:

а) аффиксом совершенного вида *-ібіс-*. *Пас қастығын көрібіссе, / Ах хуу тайахтың орнына хуу хобырах, / Алтын меспектің орнына тұқ меспек [7, с. 105] ‘Когда посмотрел в сторону постели, / Вместо серой трости – серая дудочка, / Вместо золотого мяча – шерстяной мяч’;*

б) формой прошедшего заглазного действия на *-тыр* сказуемого главного предложения, обозначающей «действие, совершившееся в неопределённом прошлом времени вне наблюдения говорящего» [15, с. 219]. Богатырь же узнаёт (или догадывается) об этом, «сопоставив ряд факторов, косвенно указывающих на совершение действия (момент умозаключения)» [15, с. 219]. Обычно такие формы переводятся на русский язык как «оказывается»: *Хулатай, ноо ниме тап-сапча тін, көрібіссе, / Үзүт Арығ, пы тұрып алтыр [7, с. 62] ‘[Он] посмотрел, [чтоб узнать], с кем разговаривает Хулатай, [и увидел], оказывается, стоит Узут Арыг’;*

в) синтаксическими средствами описания каких-либо действий богатыря, предшествующих его зрительному восприятию объекта: *Аны хаап, Хулатай сыгара ойлаан, / Көрібіссе, ала хас иртіре учук парыбыстыр [7, с. 31] ‘Схватив его, Хулатай выбежал, / И увидел, оказывается, пёстрый гусь уже пролетел мимо’. Ала хас хустың аңдарылған чиріне / Чит киліп, көрібіссе: <...> / Арығ сіліг хыс орта-чара атырыбысхан чадыр [7, с. 31] ‘Когда он подошёл к месту, / где упал пёстрый гусь, / Видит: лежит красивая девушка, раненая’.*

Глагол *көр-* «смотреть; видеть» ещё может служить условным показателем связи между придаточным и главным частями предложения в аналитической форме: в сочетании с вспомогательным глаголом *тур-* «быть», подчёркивающим длительность зрительного акта. Также аналитическое сочетание *көр(in) турза* (смотрит, ...) предполагает в качестве объекта различные картины, доступные взору субъекта (богатыря). Это может быть:

а) селение, ханская белая юрта, ханский дворец: *Көр турза, от отахтың орнында / Алты азыр настығ ах өрге турча [7, с. 27] ‘Смотрит, на месте травяного шалаша / Стоит белый ханский дворец с шестью башнями’. Іди көріп турза, ікінчізігі турча [7, с. 74] ‘Тогда [он] увидел вторую дверь’;*

б) пейзаж: *Көр турза, хастах настығ / Час тайга турыпчададыр [7, с. 33] ‘Смотрит, черноголовая / Молодая тайга кругом (букв. стоит)’. Аархы сарин харап, көрібісселер, / Ах чазы хуба сөл турыпчадыр [7, с. 77] ‘Когда посмотрели в дальнюю даль, / Белая безжизненная степь лежит’;*

в) необычное явление – один из персонажей героического сказания: *Хан Мирген амды көріп турыбысхан. / Көріп турза, үс азахтығ хара пииге алтан салған / Ұға хорғыстығ ниме турча [7, с. 40] ‘Хан Мирген встал и смотрит. / Видит, верхом на трёхногой чёрной кобылице / Страшное чудовище стоит’;*

г) результат свершившегося действия: *Оңап-сынап көр турза Албынчы, / Тогыс хуласынның хара хула атха / Алтан салған адазы Хулатай килібістір [7, с. 106] ‘Албынчы смотрит и догадывается, / Оказывается, приехал [его] отец Хулатай, / На [своём] девятисаженном вороном коне’.*

В таких предложениях часто описываются действия богатырей, хронологически предшествующие их зрительному восприятию какого-либо объекта. Объектом зрительного восприятия

выступают описания каких-либо событий и ситуаций. Действия же богатырей совершаются для создания более благоприятных условий для этого восприятия, например:

а) подойти поближе и посмотреть: *Пас киліп, көр түрзә, / Хан Мирген ирепчі тудызып турлар* [7, с. 56] ‘Когда, подойдя, посмотрел, / Хан Мирген дерётся с супругой’;

б) открыть дверь (или выйти из юрты) и посмотреть: *Албынчы, ізік азып, көріп түрзә, / Хас-хачанда ах чазыда урунган / Ах Ханың палазы – ах ой аттығ / Ай Мирген, иніп, тұс килир* [7, с. 123] ‘Когда Албынчы, открыл дверь, посмотрел, / [Стоит] Ай Мирген на бело-сивом коне, / Сын Ах Хана, / Которого он когда-то встречал в чистом поле, / Идёт со стороны хребта’;

в) зайти в белую ханскую юрту и посмотреть: *Арыг құннің харагы сыхханда, / Хан Мирген ах өргезінен сығып, / Алып Хан Хыс пичезінің / Ах өргезіне кіріп, көр түрзә, / Киче хайди чатхан Хулатайнаң Алып Хан Хыс, / Сах ідәк хұчахтасханнаң узупчадаудырлар* [7, с. 67] ‘Когда взошло солнце, / Хан Мирген, выйдя из своей белой юрты, / И, зайдя в белую юрту [своей] сестры Девушки Альп Хан, / Видит, / Как вчера, лежали Хулатай с Девушкой Альп Хан, / Сегодня точно также спят, обнявшись’.

Чуть реже, чем в форме условного наклонения, глагол **көр-** «смотреть; видеть» употребляется в качестве деепричастия путём присоединения к основе соединительного аффикса *-in*. Как и в случае функционирования в форме условного наклонения, глагол **көр-** «смотреть; видеть» в качестве деепричастия (*көріп* «смотря; увидев») служит соединительным звеном главной и зависимой частей сложноподчинённого предложения. *Үзүт Арыг ічезі көр салып, тұра сегірді: / – Иркем-кинчем, Албынчы, / Пу чирге чидібőк килдің ме?* [7, с. 118] ‘[Его] мать Узут Арыг, увидев, соскочила: / – Душа моя, Албынчы, / Ты тоже добрался до этой земли?’.

Употребление глагола **көр-** «смотреть; видеть» в роли деепричастия, связывающего главную и зависимую части сложноподчинённого предложения, может указывать на то, что описываемые в них действия происходят одновременно: *Пу чұртха амды читтім, / Хыс паланы пұ чұртта көріп, / Ареңа чонға той идерге сағын түрбін* [7, с. 97] ‘Я сейчас добрался до этого дома, / Сматря на девушку в этом доме, / Я намереваюсь устроить пир для трудового народа’. *Төңіс талай сүзені көріп, тұрыбыстылар* [7, с. 70] ‘Стоят и смотрят на большую широкую реку’.

Однако чаще деепричастие *көріп* «смотря; увидев» выражает действие, предшествующее действию, выражаемого основным глаголом в главной части предложения, т. е. выражаемое им действие является причиной совершения другого действия. Об этом же пишет А. Д. Каксин: «Процесс восприятия мира и окружающей действительности является основным видом жизнедеятельности человека. Другие виды его деятельности: мыслительная, эмоциональная, трудовая, поведенческая и др., являются вторичной формой взаимодействия с внешним миром; изначальной же формой является его восприятие явлений и фактов действительности, которые могут послужить для дальнейших его действий» [16, с. 163]. Тем самым зрительное восприятие некоего объекта влияет на психическое состояние богатыря/богатыри, и увиденное может вызывать:

а) определённые эмоции: *Аны көріп, аны піліп, Алтын Көдік Хыс / Харах чазын хан ит тұрадыр, / Харых сүүн пус ит тұрадыр* [7, с. 14] ‘Девушка Алтын Коок, / Увидев это и поняв в чём дело, / Сильно рыдала (букв. слёзы превращает в кровь, / Жидкость из носа превращает в лёд)’. *Алтынтарның сөбөгін көріп, / Харах чазын хан ит тұрадыр, / Харых сүүн пус ит тұрадыр* [7, с. 113] ‘Увидев кости богатырей, / Сильно рыдает (букв. слёзы превращает в кровь, / Жидкость из носа превращает в лёд)’. *Хан кізі, Кілің хан / Ирнің қахсызы Албынчыны көріп, / Хорых тұрадыр, қалтап тұрадыр* [7, с. 97] ‘Увидев мужчину – молодца Албынчы, / Килин Хан / Побаивается и страшится’. *Ікі алтып, хара ҳұла аттығ көріп, / Аңда таңнап, ҹапсып тур халдылар* [7, с. 70] ‘Два богатыря, увидев вороного богатырского коня, / Стоят, удивляясь и восхищаясь’;

б) активацию мыслительных способностей: *Ирнің құлұғі Хан Мирген, / Игер обааны көріп, сағын түр: / Ибнің әззі пар полза, / Суга парған полбас па за* [7, с. 33] ‘Молодец – мужчина Хан Мирген, / Сматрят на белую стелу и думает: / Если хозяин дома здесь, то наверно ушёл за водой’;

в) высказывания богатырей об увиденном: *Аргалығ сынға сығара ойлат пари Хан Мирген. / Алтынтар көріп, тұқыріктері ам на тоолас түр: / – Хан Миргенек пе хайдағ, – місчелер* [7, с. 45]

‘Хан Мирген на коне скачет в гору. / Смотря на него, богатыри слюнями брызжат, / и говорят:
– Это разве Хан Мирген’.

Как свидетельствует наш материал, богатыри/богатырши на определённые явления и события в окружающем мире большей частью реагируют на эмоциональном уровне. Описания же воздействия объекта на их мыслительные, физические и другие рецепторы представлены лишь по одному примеру.

Деепричастная форма глагола *көр-* «смотреть; видеть» (*körin*) также может обозначать действие, совершающееся одновременно с действием, выраженным главным глаголом. *От отахтың істінде / Чадырчатхан хыс пала, / Хараң **көрін**, азаң пазын, / От отахтаң сызып килерзің* [7, с. 23] ‘Девочка, лежащая в травяном шалаше, / **Открыл** глаза и наступая ногами, / *Выйдешь* с этого шалаша’. *Албынчы айап тұрадыр, / Ічезі осхас Ай Арығны **көрін*** [7, с. 120] ‘Албынчы, **смотря** на Ай Арыг, / **Жалеет** её’.

Глагол *көр-* «смотреть; видеть» активно участвует в формировании различных императивных выражений, как составной части речевой коммуникации богатырей. Данный глагол также используется в слитном написании побудительной частицы -дек: *көрдек* (которая соответствует русскому «-ка, ну-ка»: *посмотри-ка*) и выражает смягчённое приказание или настойчивую просьбу, что предполагает форму второго лица единственного числа. Мы отмечаем следующие характерные особенности использования глагола *көрдек* «посмотри-ка» в предложении:

а) употребление в составе прямой речи, что представляет собой призыв посмотреть на что/куда-либо: *Көрдек, Хан Мирген, алтын чечпе тәзінде / Аран-чула ат читкен осхас* [7, с. 55] ‘**Смотри-ка**, Хан Мирген, возле золотой коновязи / Богатырский конь вернулся, оказывается’. *Харахтың кізі, син **көрдек**, / Мынча чылған алытта тізі кізі пар ба?* [7, с. 82] ‘Ты зрячий человек, **посмотри-ка**, / Среди собравшихся богатырей есть ли женщина?’;

б) обращение к богатырю/богатырше по имени в диалоговой речи: *Піче кізі, Алып Хан Хыс, көрдек, / Хулатай хайди чабаллан тур* [7, с. 65] ‘Сестра, Девушка Алып Хан, **посмотри-ка**, / Как гневается Хулатай’. *Көрдек, Хулатай, Алып Хан Хыс тичем / Пістің ойнап choохтааныбысха тарын тур* [7, с. 65] ‘**Посмотри-ка**, Хулатай, [моя] сестра Девушка Алып Хан / Как злится из-за наших шуток’;

в) в зависимой части предложения описывается рекомендуемый объект зрительного восприятия: *Алған кізім, Кілің Арыг, көрдек тігіні: / Тигір тәзінде хара пулут сыгара чачырады* [7, с. 99] ‘[Моя] суженая, Килин Арыг, **посмотри-ка** вон туда: / На горизонте появилось чёрное облако’.

Следующий вариант выражения просьбы и мягкого побуждения оформляется аффиксом -зең (*көрзен* «посмотри»): *Көрзен мыны, пу айнаны, / Мындағ қашсы паланы согыт тур* [7, с. 56] ‘**Посмотри** на этого чёрта, / Бъёт такого хорошего ребёнка’. *Көрзен, оол, мына хайдағазың, – тін одыр, / Харахтың тас көстіксер көрібіссе, / Хайдағ-хайдағ чабал тас турчададыр* [7, с. 92] ‘**Смотри**, каков ты, парень, – говорит, / Когда зрячий слуга посмотрел в зеркало, / Увидел, стоит безобразный слуга’.

Нам встретился только один пример с вводным выражением *көрчезің аны* «посмотри-ка на него...»: *– Мині тастап өзрің! – тидір, / – Көрчезің аны: / Харагы чох позынны тастап, ойлан тур* [7, с. 83] ‘[Ты] бросаешь меня! – говорит, – **Посмотри-ка на него**: / [Он] убегает, бросая меня, незрячего’. Обычно такие конструкции используются для привлечения внимания присутствующих свидетелей. Но их не следует рассматривать как «непосредственное обращение к присутствующим (конкретным или обобщённым адресатам), поскольку говорящий не ожидает от них ответной реакции. Наиболее актуальным здесь является выражение характеристики и оценки определённого социативного объекта. А семантика одобрения или негативного утверждения (осуждения) подобных высказываний определяется контекстом» [17, с. 80].

Так же в императивном высказывании глагол *көр-* «смотреть; видеть» выражает строгий и настойчивый наказ с оттенком категоричности: *Үзүт Арыг ічелін тудын алзаң, / Минің өзөгым ис, көр, чир дее өдірбессің* [7, с. 114] ‘Когда встретишь [свою] маму Узут Арыг, / [Ты] слушайся меня, **смотри**, не убивай её’. Императивная форма рассматриваемого глагола *көр!* «смотри!» теряет свое основное визуальное значение и используется для привлечения внимания адресата. «Дополнительным оттенком таких высказываний является также интонация, рассчитанная на

то, чтоб заставить адресата обратить особое внимание на положение дел и помнить об этом» [17, с. 81].

В герическом сказании «Албынчы» глагол **көрін-** «видно; виднеться», образованный от **көр-** «смотреть; видеть» при помощи аффикса возвратного залога *-iñ-*, используется только в двух случаях:

а) если взору богатыря доступны открытые, обширные территории (например, степи): *Тигір төзі ыраххы чирге / Читіре харап турадыр. / Харахтың оды читкен чир, / Харалып, сиіліп көрінчедедір, / Харахтың оды читпен чирге, / Ах тубан, көк тубан ораалчадаңыр* [7, с. 17] ‘Смотрит до далеко лежащего горизонта. / Всё, что видно вдалеке / Чернеет, / А то, что не видно вдалеке / Покрыто белым и синим туманом’. *Харахтың оды читкен чирлер, / Харалып, сиіліп көрінчедедір, / Харахтың оды читпен чирлер / Ах тубан, көк тубан ораалып көрінчедедір* [7, с. 11] ‘Места, доступные глазам, (букв. места, куда достаёт зрение), / Чернея, видны на горизонте, / Места, недоступные глазам, / Видны, как будто покрыты белым и синим туманом’;

б) если богатырь обозревает конкретный объект, расположенный на большом расстоянии: *Хан Мирген көрінчесе, / Хайзы-хайзы чирде / Арғалығ ах сын көрін турадыр, / Хан позырах ат ол чирге читіре ойлаан* [7, с. 43] ‘Хан Мирген видит, / Далеко-далеко / Виден высокий белый хребет. Богатырский рыжий конь поскакал туда’. *Хайзы-хайзы чирде / Төңіс талай сүг <...>, / Анда, ылтырап, көрінчедедір* [7, с. 70] ‘Где-то далеко-далеко / Видна, отражая блеск, / Широкая большая река’. В этих примерах детализируется дальность расположения объекта зрительного восприятия: широкая большая река и дальний горизонт.

Глагол **көр-** «смотреть; видеть», как и в других тюркских языках, в силу своей частотности, может развивать и переносные значения, что отразилось и на материале исследуемого герического сказания. Анализ нашего материала показал следующие переносные компоненты в семантической структуре данного глагола:

а) «догадываться»: *Албынчы көр түрзә, / Ай Мирген уғаа چахсы, / Ах сағыстығ кізі осхас* [7, с. 78] ‘Албынчы показалось, / Ай Мирген очень хороший, / Чистосердечный человек’;

б) «решать»: – Эк, иркем-кинчем, *Хан Чачах, / Чарып ба, чарабас па нимені / Хайди көрербіс, – тінче Кілің Арығ* [7, с. 101] ‘Эк, душа моя, Хан Чачах, / Можно ли это [делать] или нельзя / Посмотрим [решим]’;

в) «заботиться»: *Хан Чібек Арығ алынча ах бөрге турғызып, / Икі оолны анда көріп, азырап-чададыр* [7, с. 64] ‘Хан Чибек Арыг, поставив отдельно белые юрты, / Там заботится о них’;

г) «встречать»: *Мынча چыыл парған алыттар, / Ҳұлатайны кем көрген, / Көрген кізі пар полза – табырах сөлебіс* [7, с. 44] ‘(Так много) собравшиеся богатыри, / Кто встречал (букв. видел) Хулата, / Если кто-то его встречал, отзовитесь быстрее’;

д) «родить»: – *Ай Арығ аның абаҳайы / Хараагы түн полғанда, / Синніг нименің сині чидіп, / Түстүг нименің түзы чидіп, / Ала маңыс хыс пала көрінібіскен* [7, с. 17] ‘Его красавица Ай Арыг, / Когда наступила тёмная ночь, / Ведь всё происходит своевременно, / Родила белолицую девочку’. *Інегі – қурайлар چыыл күлгөн / – Үзүт Арығ көрінібіскен: / Ала маңыс оол пала* [7, с. 51] ‘Старики собрались / Узут Арыг родила: / Белолицый мальчик’. Значение «родить» реализуется в случае присоединения к глаголу **көр-** «смотреть; видеть» показателя возвратного залога *-iñ-*: **көрін-**. Базовые перцептивные глаголы во всех языках являются многозначными, однако контекст позволяет им максимально точно отразить все оттенки восприятия.

Употребление глагола **көр-** «смотреть; видеть» в значении «пробовать» – частое, зафиксированное в словарях, явление как в хакасском, так и в других тюркских языках. В данном случае он выступает вторым компонентом в аналитическом образовании, при этом теряет своё основное значение. Действие, совершающееся человеком или другим живым существом для пробы, может обозначаться любым антропоцентричным глаголом. В тексте герического сказания «Албынчы» все действия, обозначаемые этими глаголами, относятся к коммуникативной сфере персонажей. В частности, эти сложные глаголы формируют обращения к собеседнику с целью побуждения к какому-либо действию. Форма повелительного наклонения второго лица и единственного числа характеризуются отсутствием аффиксов: *Іченің аниин ўлезерге күлдім, / Айланып сыйх көр амды!* [7, с. 106] ‘Я пришёл делить богатство матери. Теперь попробуй выйди!’. *Син, ҳарахтығ кізі, пар, / Ҳатыңың сыйығын көр көр* [7, с. 91] ‘Ты, зрячий человек,

посмотри-ка на подарок жены'. *Харахтыг кізі, син пурун көдір көр* [7, с. 84] 'Зрячий человек, сперва ты попробуй подними'. *Че, харахтыг тазым, син ат көр* [7, с. 85] 'Ну, [мой] зрячий слуга, ты попробуй стрельни'.

Глаголы с **көр-** в значении «пробовать» в высказываниях героев, оформленных прямой речью, могут принимать аффиксы будущего времени и первого или второго лица. *Че, Харахтыг тазым, арга-мөрій пісти полды, / Ханзар-пигзер пар көрең, / Алтын Арыг хызын хайзыбысха пирчең, сур көрербіс* [7, с. 89] 'Ну, [мой] зрячий слуга, мы победили на состязании, / Давай попробуем пойти к хану, / И попробуем спросить, кому-то из нас отдаст ли свою дочь Алтын Арыг'. *Че, Чил Хара Хызым, улуг аалга иніп, Улуг той ит көрең* [7, с. 85] 'Ну, [моя] Чил Хара Хыс, давай пойдём в селение и попробуем устроить пир'. Актуальный смысл таких предложений содержит побуждение адресата к какому-либо совместному действию. Как видим, все сложные глаголы с **көр-** в значении «пробовать» используются в высказываниях персонажей героического сказания, формируя прямую речь. Исключение составляет только один пример, где сложный глагол **тут көр-** «потрогать; попробовать подержать» с аффиксом условного наклонения -зе замыкает придаточную часть сложноподчинённого предложения: *Аннаң алланып, Албынчы / Алған кізізі Кілің Арызын тут көрзе – оліп партыр* [7, с. 105] 'Вернувшись, Албынчы / Потрогал [свою жену] Килин Арыг, а она умерла, оказывается'.

Отрицательный аспект процесса/действия в хакасском языке обозначается рядом грамматических средств. В тексте героического сказания отсутствие возможности видеть окружающий мир обозначается при помощи:

а) аффикса отрицания **-ба/бе**. Как отмечает М. И. Черемисина, этот аффикс, единственный (со всеми своими закономерными морфонологическими вариантами), встраивается в глагольную словоформу в позиции перед аффиксами времени – наклонения, начиная собою цепочку позиций, принадлежащих словоизменительным грамматическим категориям [18, с. 3]: *Көрбеең саринаң* Хан Мирген, / *Харагына түкүрік сүрткел*, / *Харагын хызартта чыс турадыр* [7, с. 46] 'Хан Мирген, пока никто не видел, / Помазав слюнями глаза, / Протирает их докрасна'. *Кізі көрбеең саринаң* хан позырах атты / *Азахнаң холтыхти тепкел*, / *Хылчыгастап тағын парадыр* [7, с. 43] 'Тайком, пока никто не видит, / По бокам сдавливает ногами / И пинает коня';

б) аффикса отрицания при деепричастном компоненте сложного глагола. *Хулатай, изірігі* улуг – *көрбін халған*, / *Албынчы Үзүт Арыг ічезін, хаап*, / *Созіріп, сыгар парыбысхан* [7, с. 118] 'Хулатай был сильно пьян и не увидел, / Как Албынчы схватив [свою] мать Узут Арыг, / Поволок на улицу'. *Чүртір пістің чирібіс хара хайаның істінде, / Айның-күннің чарығын көрбеспіс*, / *Хадарған малның ағын-саяғын чібеспіс*, / *Хара настыг чонның харагын көрбеспіс* [7, с. 87] '[Наша] земля, где мы будем жить, внутри чёрной скалы, / [Мы] не увидим свет солнца и луны, / **Не увидим** глаз черноволосого народа'. *Хан Миргеннің ікі хараана / Німе көрінмін одырадыр*, / *Ікі хулахха німе истілбін одырадыр* [7, с. 45] 'Хан Мирген ничего не видит (букв. в [его] два глаза ничего не видно), / Ничего не слышит (букв. в [его] два уха ничего не слышно)';

в) аффикса отрицания, встроенного в структуру второго (вспомогательного) компонента глагольной словоформы: *Хулатай, турып, ах өрге ибдең сығып килді*, / *Чарых Қоқ түмазын көрттаппин тур* [7, с. 29] 'Хулатай встал и вышел из белой ханской юрты, / Не может найти (взглядом) [свою] сестрёнку Чарых Коок'. *Ала харахтаң німе көр таппин*, / *Аран-чула хан позырах аттың* / *Чар полған ахсын чайхабысхан*, / *Чазы полған пүтхә хамчы салыбысхан* [7, с. 38] '[Он] ничего не смог увидеть, / И, натянув узда рыжего богатырского коня, / дёрнул плетью его бока'. *Тоңіс талай сүені пір хыринаң* / *Пір хырина читіре көр полбады ікі алтын* [7, с. 70] 'Два богатыря не смогли увидеть / Края большой широкой реки';

г) формы именного отрицания: *Чиріс Мөкө чидіп килзе, / Аны көрчөң ікі хараам / Чогыл ноза минің* [7, с. 88] 'Когда Чирис Моке доберётся [до нас], / У меня нет зрения (букв. нет двух глаз), / Чтоб увидеть его'. *Харагы чох тас / Сурынганына көрбеең, / Алданганына хайбаан, / Ай чалбагы молаттың төзін сөгө тартып*, / *Окпе-чүрегін кизе сапхан* [7, с. 89] 'Незрячий слуга / Не обратил внимания (букв. не видел) на [его] просьбу, / Топором, похожим на луну, / Отрубил [его] внутренности (букв. сердце-лёгкие)'. Когнитивной моделью недоступности или невозможности зрительного восприятия могут быть дальность расстояния между субъектом и объектом, какая-либо физическая преграда, субъективный фактор отключения внимания субъекта.

Второй глагол, встречающийся в тексте героического сказания, – **хара-** в соответствующих фонетических вариантах функционирует во всех тюркских языках и в монгольском языке. Более подробно семантические особенности данного общетюркского глагола описаны в монографии М. Д. Чертыковой [17]. В Хакасско-русском словаре семантическая структура хакасского глагола **хара-** представлена таким образом: «1) пристально смотреть, всматриваться; *тигир харирга* всматриваться в небо; 2) обозревать что-л.; *ыраххы чазыны харирга* обозревать далёкую степь; 3) обращать внимание, (издали) наблюдать; присматривать, смотреть за кем-л.; *пала харап одырарга* присматривать за детьми; *мал харап чөрерге* смотреть за скотом; ◊ *чир харирга* опустить (понурить голову)» [10, с. 813]. В тексте героического сказания данный глагол употребляется в сочетании с базовым глаголом **көр-** «смотреть; видеть». Принимая деепричастный аффикс *-п*, глагол **хара-** выполняет роль, характеризующую процесс зрительного восприятия, а глагол **көр-** принимает на себя основную смысловую нагрузку. Надо отметить, аналогичное явление в среде перцептивных глаголов встречается и в других тюркских языках, например, в тувинском языке глаголы **бакы-** и **коор-**: *бакылаар*, *бакылап көор* «выглянуть (посмотреть откуда-либо); выглянуть из окна *соңгадан бакылап көор*» [19, с. 96]; в якутском языке *быгыалаамногокр. от бык-*; *быгыалаан көр-* «выглядывать»; **быгыахта-** разд.-кратн. от **бык-** «высовываться, выглядывать (поминутно или то тут, то там)» [20, с. 91]. С. А. Моисеева пишет: «Синкетизм лексем и вторичную сигнификацию порождает обработка сигнала от внешнего мира, которая проходит с одновременным участием нескольких каналов, ведущих к различным рецепторам в мозгу, следствием чего является переход от одного сенсорного модуса к другому или их совмещение» [21, с. 41]. Характерная смысловая специфика употребления указанного синкетического образования в героическом сказании «Албынчы» состоит в следующем:

а) субъект (богатырь/богатырша) смотрит (озирается) с возвышенного места: *Тастыг сынның үстүнө / Сыгыт килген Хан Мирген. / Харап, көріп турадыр* [7, с. 33] ‘Хан Мирген поднялся / На скалистый хребет. / Смотрит, высматривая вокруг’. *Ноо-да чирге сабылғанда, / Хара сынның үстүнө сыгара ойлан, / Харап-көріп турыйбысхан* [7, с. 116] ‘Добравшись до неизвестной земли, / Забежав на вершину чёрного холма, / [Он] стоял, озираясь’;

б) перед субъектом простирается обширный, необъятный простор: *Хан Мирген аархы сари хырин харап көр тур* [7, с. 39] ‘Хан Мирген смотрит, (высматривая) дальнюю даль’. *Тилекейде чирнің үстүн, / Тиксіхарап, көріп турыйчададыр* [7, с. 26] ‘Стоит (высматривая) смотрит, / Всё, что лежит кругом’. *Харахча сыйханда, түзіп, / Аархы сарин харап көр турлар*: / *Aх талай сүг хазы чирде / Алтын Ханың чұрты чадыр* [7, с. 79] ‘[Они] (высматривая) смотрят дальнюю сторону, / Насколько хватает зоркости [их] глаз, / На берегу большой белой реки / Стоит юрта Алтын Хана’;

в) субъект с возвышенности осматривает конкретный объект (селение, степь): *Хан Мирген улуг аалын харап көр турадыр* [7, с. 45] ‘Хан Мирген стоит и смотрит (осматривая) большую деревню’. *Хара хула ат тура түсken. / Аархы сарин Хулатай харап көр турадыр, / Ах чазы хуба сол анда турыйчададыр* [7, с. 48] ‘Вороной конь остановился. / Хулатай высматривает дальнюю даль, / Там лежит белая безжизненная степь’;

г) субъект осматривает объект с относительно близкого расстояния: *Чоғар көріп харабысса, / Ат пазынча арығ қобж хүс көдіріл пари* [7, с. 29] ‘И он посмотрел наверх, / А там кукушка размером с голову коня поднимается вверх’. *Кілің Арығ, айланып, аны көріп-харап тур*. / *Анаң айлан кілзе, алтын ах пүүр өзөгіл* [7, с. 99] ‘Килин Арыг, отвернувшись, стоит оглядываясь – озираясь. / А когда повернулась, [смотрит], белого богатырского волка уже нет’.

Иключение составляет только один пример, где глагол **хара-** употребляется самостоятельно, не сочетаясь с глаголом **көр-** «смотреть; видеть»: *Хан Мирген аттың ахсын тартыбысхан, / Аархы сарин харап турыйбысхан* [7, с. 43] ‘Хан Мирген натянул узды коня, / Стоит и смотрит вдаль’. В следующем предложении глаголы **хара-** и **көр-** расположены по принципу параллелизма, что способствует созданию выразительного поэтического образа: *Аттың ахсын тохтада тартып, / Аархы сарин харап турадыр. / Тилекейде чирнің үстүн / Тиксі ибіре көріп турадыр. / Тигір тозіне читіре / Харап-көріп турадыр* [7, с. 11] ‘Натягивая узду, остановил коня, / И высматривает дальнюю сторону. / Рассматривает всё, что лежит вокруг. / Высматривает до самого горизонта’.

В тексте героического сказания «Албынчы» часты употребления глагола **көр-** «смотреть; видеть» в изъявительном наклонении, обозначающем «реальное, с точки зрения говорящего лица, действие, относящееся к настоящему, прошедшему или будущему времени» [15, с. 200]. *[Алтын Қоқ хыс] Қоң инеліп мыны **көрген**, / Қөрген харагын чызыныбысхан* [7, с. 14] ‘[Девушка Алтын Коок], пережила (букв. видела) много страданий, / Вытерла [свои] глаза, (которыми видела)’. *Хулатай усхунып, харагынкөрібісken* [7, с. 67] ‘Хулатай, проснувшись, **открыл** глаза (букв. посмотрел глазами)’. *Хан Чачах хыс холына алып **көрді*** / *Алтын меспекнең ах хуу тайахты* [7, с. 102] ‘Алтын Чачах, взяв в руки, **посмотрела** / Белую трость и золотой мяч’.

Для фольклорных текстов характерны употребления сложных глаголов, образованных при помощи вспомогательного глагола **тур-** «стоять», который, утратив своё основное значение, выполняет чисто грамматическую функцию длительности настоящего времени. *Хулатай көр тур:* / *Үс азахтыг хара пии турча* [7, с. 49] ‘Смотрит Хулатай: стоит трёхногая чёрная кобылица’. *Сүмекчін көр тур:* *пірсі угаа сіліг алып, / Алтын-құмұс осхас састьығ, / Трапча құмұс тыргахтығ* [7, с. 93] ‘Слуга видит один из них очень красивый богатырь, / Волосы как золото-серебро, / Ногти отливают серебром’. В составе данного сложного глагола **көр тур-** «смотрит; видит» выпал деепричастный аффикс *-ін* первого компонента **көр(іп) тур-**, но иногда он сохраняется: *Хулатай хыс палазар, аба чили, / Алаңнада **көріп тур**, / Пүүр чили, пәлтерте **көріп одыра**дыр* [7, с. 63] ‘Хулатай **смотрит** на девушку, / Растирянно, как медведь, / Смотрит отрешённо, как волк’. *Хулатай улуг аалны **көріп тур*** [7, с. 62] ‘Хулатай **смотрит** на большую деревню’. Глаголу **көр(іп) тур-** синонимичен по продолжительности действия глагол **көріп одыр-**: *Хара книга сыгарып алды, / Столга ағылымп, ойда тастап, / Алып Хан Хыс **көріп одыр*** [7, с. 68] ‘Девушка Алтып Хан, вытащив чёрную книгу, / Принесла и положила на стол, / Затем **смотрит**’.

Глагол **көр тур-** может принимать аффикс *-гле-*, указывающий на то, что действие совершается несколькими субъектами: *Aх өрге ибдең прайзы сыйххап киілді, / Хан Миргенні **көргелен турлар**. / Хан Мирген, алыптарны көре, ойлат килир, / Хан позырах аттың үстүнде* [7, с. 44] ‘Все вышли из белой ханской юрты, / **Высматривают** Хан Миргена. / Хан Мирген скакет в сторону богатырей, / Верхом на рыжем коне’. Надо отметить, что это один из немногих примеров, где в роли субъекта выступают несколько богатырей.

Иногда сложный глагол **көр тур-** «смотрит; видит» осложняется показателем настоящего времени *-адыр*, выражающего продолжительное действие (**көр турадыр**): *Ирнің күлүгі Албынчы, / Алтын хаалхазын азып, / Хөгдайта **көр турадыр*** [7, с. 106] ‘Мужчина – молодец Албынчы, / Открыв [свои] золотые ворота, / **Осмотривает** окрестности свысока’. *Алтын Қоқ хыс күлүгі, / Ибре пастырып, **көр турадыр**:* / *Ададаң пірге сыйхан Хулатай абазы / Чалбай турған чирнің үстүн / Қоң айландыра чөріптір* [7, с. 14] ‘Красавица Алтын Коок / Вокруг ходит и **видит**: / Единоутробный брат (букв. от отца совместно вышедший) Хулатай / Всю необъятную землю / Обходил много раз, оказывается’. *Хочын Арыз Тас оолаҳты тобыра **көр турадыр**:* / *Тас оолаҳ тін көрзе, Тас оолаҳ нимес осхас, / Нимес тін көрзе, Тас оолаҳ осхас полды* [7, с. 116] ‘Хочын Арыз внимательно **смотрит** на Тас оолах: / Если на него смотреть как на Тас оолах, то [кажется] не похож на Тас оолах, / Если смотреть на него не как Тас оолах, то [кажется] похож на Тас оолах’.

Относительно глагольных форм настоящего времени *-адыр*; *-чададыр*, характерных в основном для произведений хакасского устного народного творчества, мы согласны с мнением исследователей о том, что они используются сказителями в целях благозвучности текста [22 и др.]. Также, на наш взгляд, права в своём высказывании об этих формах Т. Г. Тачеева: «... в языке сказителей – кызыльцев, особенно С. П. Кадышева, они несут определённую, смысловую и звуковую нагрузку. Стихи, заканчивающиеся этими глаголами, в зачине чередуются приблизительно через три строки. Многократное повторение этих глаголов со значением постоянства и длительности как бы подчёркивает вечность природы, её постоянную деятельность. И это особенно сильно звучит в Кадышевском исполнении. О горных реках, *тасхылах*¹, лесах, о кочующих по небу облаках, о рыбках, населяющих озёра, сказитель рассказывает почти с физическим ощущением их жизни и деятельности» [6, с. 209].

¹ высокая гора

Также в героическом сказании «Албынчы» для выражения различных аспектуальных оттенков процесса зрительного восприятия используются и другие сложные глаголы, образованные путём сочетания глагола **кёр-** «смотреть; видеть» с вспомогательными глаголами, например:

кёріп тап- «увидеть»: *Хайзы-хайзы ыраххы чирде / Чир аргазы хара сыны / Кёріп тапты* Хан Мирген [7, с. 39] ‘В далёкой дали / Хан Мирген **высмотрел** / Опоясывающий землю чёрный хребет’. *Кирім сынның үстүнде турым, / Ала харахтың одынаң / Пір дее ниме кёріп таппады* [7, с. 11] ‘Стоя на горе Кирим, / [Своими] глазами (букв. зренiem [своих] глаз) / Ничего не смог увидеть’;

кёр сал- «увидеть»: *Кир палых өлгөн ах палыхты кёр салды* [7, с. 71] ‘Огромная рыба уви-дела мёртвую белую рыбу’. *Кир палых кёр салды, танып полбин тур: / Өліг тізе, тіріг осхас, / Тіріг тізе, өліг осхас* [7, с. 72] ‘Огромная рыба **увидела**, но не может понять: / Если она мёртвая, то кажется живой, / Если она живая, то кажется мёртвой’. *Алтын Хыс Хан Чачах палазын кёр салды* [7, с. 104] ‘Алып Хан Хыс **увидела** свою дочь Хан Чачах’;

кёрді полар- «наверно увидел»: *Анча чыылган алыптарда / Пірее дее алтын / Хулатайны кёрді полар* [7, с. 42] ‘Сред столь собравшихся богатырей / **Наверно** есть тот, / Кто видел Хулатая’;

кёріп ал- «посмотреть»: *–Хайди пол парап көргеннең, – тидір Хан Чачах, / – Кёріп алза-быс, сал саларбыс орнына* [7, с. 102] ‘Что из того, что мы посмотрим, – говорит Хан Чачах, / Когда **посмотрим**, положим на место’.

Таким образом, синтетические и аналитические формы глагола **кёр-** «смотреть; видеть», находящиеся между собой в отношениях производности, выражают различные контекстные процессы и ситуации зрительного восприятия.

Заключение

Язык героического эпоса сложный и своеобразный, поскольку в нём переплетаются художественные, когнитивные, поэтические, языковые особенности. Передаваясь из поколения в поколение, он шлифуется, вырабатывает свои грамматические и семантико-сintагматические модели. В этом плане хакасское героическое сказание «Албынчы» не исключение. Одним из ярких и загадочных явлений в словесном содержании данного героического сказания мы считаем тот факт, что при его богатейшем и обширном словарном запасе процесс зрительного восприятия обозначается только одним глаголом **кёр-** «смотреть; видеть». Также очень редко используется другой дифференцированный перцептивный глагол **хара-**, и то в сочетании с глаголом **кёр-** «смотреть; видеть». При этом глагол **хара-** выполняет характеризующую роль, а глагол **кёр-** принимает на себя основную смысловую нагрузку. В хакасском языке имеются и другие глаголы со значением зрительного восприятия. По нашим подсчётам, их всего 10 лексических единиц [23]. Однако из них в исследуемом тексте используются только два названные глаголы, обеспечивающие все необходимые аспекты богатырского видения мира.

Широта и объёмность содержания хакасского базового глагола со значением зрительного восприятия **кёр-** «смотреть; видеть» выражается в его семантических и синтаксических особенностях:

а) реализация в качестве связующего звена между главным и придаточным (зависимым) частями предложения в форме условного наклонения на *-са*. При этом глагол **кёр-** «смотреть; видеть» передаёт зрительное восприятие относительно настоящего времени, не являясь условием;

б) употребление в роли деепричастия, связывающего главную и зависимую части сложно-подчинённого предложения, может указывать на то, что описываемые в них действия происходят одновременно, а также увиденное может быть источником определённого психического состояния богатыря или же совершению им каких-либо действий;

в) употребление в императивной форме, как составной части речевой коммуникации богатырей, выражающей смягчённое побуждение, приказание или настойчивую просьбу, наказ;

г) употребление в переносных значениях: «догадываться», «решать», «заботиться», «встречать», «родить», «пробовать»;

д) реализация отрицательного аспекта зрительного восприятия при помощи грамматических средств. Когнитивной моделью недоступности или невозможности зрительного

восприятия могут быть дальность расстояния между субъектом и объектом, какая-либо физическая преграда, субъективный фактор отключения внимания субъекта;

е) сочетание с другим глаголом со значением зрительного восприятия **хара-**, принимающим характеризующую роль;

ж) сочетание с вспомогательными глаголами **тур-** «стоять», **тап-** «находить», **сал-** «класть», **пол-** «быть», **ал-** «брать», указывающими в семантике сложного глагола различные аспекты зрительного восприятия;

з) названные и другие элементы в семантике и сочетаемости глагола **көр-** «смотреть; видеть», богатство его грамматического потенциала показывают различные перспективные процессы и контекстные ситуации, связанные с видением мира богатырей. Также способность обеспечить всё необходимое когнитивное представление о восприятии окружающего мира во всём его многообразии свидетельствует о доминирующем характере базового глагола **көр-** «смотреть; видеть» не только в хакасском литературном, но и фольклорном языке.

Литература

1. Бобунова М. А., Праведников С. П., Хроленко А. Т. Проблемы фольклорной диалектологии. – Курск : Изд-во КГПУ, 2003. – 72 с.
2. Венгранович М. А. Стилистика фольклорного текста : учебное пособие. – Тольятти : Тольяттинский государственный университет, 2011. – 266 с.
3. Пропп В. Я. Фольклор и действительность : Избранные статьи. – Москва : Наука. Гл. ред. вост. лит-ры. 1976. – 326 с.
4. Майногашева В. Е. О народности основы героического сказания «Албынжи» // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 4. – Абакан : Хакасское кн. изд-во, 1956. – С. 78-89.
5. Албынжи. Хакасское героическое сказание / Сказитель С. П. Кадышев ; литер. пер. И. С. Кычакова. – Абакан : Хакасское областное гос. изд-во, 1951. – 112 с. (На хакасском и русс. яз.).
6. Тачеева Т. Г. Хакасский хайджи С. П. Кадышев (к 80-летию со дня рождения) // Учёные записки. Вып. 11. – Абакан : Красноярское кн. изд-во. Хакасское отделение, 1965. – С. 186-217.
7. Албынчи. Альптыг нымах (героическое сказание) / Сказитель С. П. Кадышев ; зап. Д. И. Чанков. – Абакан : Хакасское кн. изд-во, 2018. – 126 с. (На хакасском яз.).
8. Севорян Э. В. Категория сказуемости // Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. – Москва : Изд-во АН СССР, 1956. – С. 16-22.
9. Чертыкова М. Д. Хакасская лексема **хара** «глаз ; глаза» как опосредующее звено между телесной и духовной природой человека // Теоретическая и прикладная лингвистика Амурского государственного университета. – 2019. – № 5 (4). – С. 140-151.
10. Хакасско-русский словарь : Хакас – орыс сөстігі : около 22 тыс. слов / Под общей ред. О. В. Субраковой. – Новосибирск : Наука, 2006. – 1114 с.
11. Древнетюркский словарь / В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. – Ленинград : Наука. Ленинградское отделение, 1969. – 676 с.
12. Шамина Л. А. Условные конструкции в тувинском языке // Грамматические исследования по тюркским языкам : сб. науч. ст. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1988. – С. 95-103.
13. Черемисина М. И. Управление как класс синтаксических связей // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2013. – № 1. – С. 4-29.
14. Ефремов Н. Н. Отношения обусловленности в якутском языке : целевые конструкции // Гуманитарный вектор. – 2016. – Т. 11. – № 3. – С. 98-104.
15. Грамматика хакасского языка / Под ред. Н. А. Баскакова. – Москва : Наука. Гл. ред. вост. лит-ры, 1975. – 420 с.
16. Каксин А. Д. Глагольное выражение семантики восприятия в казымском диалекте хантыйского языка // Филология и человек. – 2017. – № 3. – С. 163-171.
17. Чертыкова М. Д. Семантико-когнитивная характеристика хакасских глаголов со значением восприятия и их лексических соответствий в других тюркских языках. – Абакан : Изд-во ХГУ им. Н. Ф. Катанова, 2019. – 160 с.

18. Черемисина М. И. Аналитические способы выражения отсутствия и отрицания в тюркских языках Южной Сибири // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 1996. – Вып. 3. – С. 3-40.
19. Тувинско-русский словарь / Под ред. Э. Р. Тенишева. – Москва : Советская энциклопедия, 1980. – 646 с.
20. Якутско-русский словарь / Под ред. П. А. Слепцова. – Москва : Советская энциклопедия, 1972. – 568 с.
21. Моисеева С. А. Особенности полисемии глаголов восприятия (на материале западно-романских языков) // Научные ведомости БелГУ. Серия : Гуманитарные науки. – 2008. – № 2. – С. 39-49.
22. Субракова О. В. Язык хакасского герического эпоса. – Абакан : Хакасское кн. изд-во, 2007. – 182 с.
23. Чертыкова М. Д. Лексико-семантические группы глаголов хакасского языка (глаголы со значением психической деятельности) : учебно-методический комплекс по дисциплине : словарь-справочник. – Абакан : Изд-во Хакасского гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2016. – 172 с.

References

1. Bobunova M. A., Pravednikov S. P., Khrolenko A. T. *Problemy fol'klornoi dialektologii* [Problems of folklore dialectology]. Kursk, Izd-vo KGPU, 2003, 72 p. (In Russ.).
2. Vengranovich M. A. *Stilistika fol'klornogo teksta: uchebnoe posobie* [The style of folklore text: a tutorial]. Tolyatti, Tol'yattinskii gos. un-t, 2011, 266 p. (In Russ.).
3. Propp V. Ya. *Fol'klor i deistvitel'nost': Izbrannye stat'i* [Folklore and reality: Selected articles]. Moscow, Nauka. Gl. red. vost. lit-ry, 1976, 326 p. (In Russ.).
4. Mainogasheva V. E. *O narodnosti osnovy geroicheskogo skazaniya "Albynzhi"* [On the nationality of the foundations of the heroic legend "Albynzhi"]. In: *Uchenye zapiski KhakNIIYaLI. Vyp. 4* [Scientific notes of KhakSRILL. Iss. 4]. Abakan, Khakasskoe kn. izd-vo, 1956, pp. 78-89. (In Russ.).
5. *Albynzhi. Khakasskoe geroicheskoe skazanie* [Albynzhi. Khakas heroic legend]. Skazitel' S. P. Kadyshев; liter. per. I. S. Kychakova. Abakan, Khakasskoe oblastnoe gos. izd-vo, 1951, 112 p. (In Khakas and Russ.).
6. Tacheeva T. G. *Khakasskii khaidzhi S. P. Kadyshev (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Khakas khaiji S. P. Kadyshев (to the 80th anniversary)]. In: *Uchenye zapiski. Vyp. 11* [Scientific notes. Iss. 11]. Abakan, Krasnoyarskoe kn. izd-vo. Khakasskoe otdelenie, 1965, pp. 186-217. (In Russ.).
7. *Albynchы. Alyptyg nymakh (geroicheskoe skazanie)* [Albynzhi. Heroic legend]. Skazitel' S. P. Kadyshев; zap. D. I. Chankov. Abakan, Khakasskoe kn. izd-vo, 2018, 126 p. (In Khakas).
8. Sevortyan E. V. *Kategoriya skazuemosti* [Predictability Category]. In: *Issledovaniya po sravnitel'noi grammatike tyurkskikh yazykov. Ch. 2. Morfologiya* [Studies on the comparative grammar of Turkic languages. Part 2. Morphology]. Moscow, Izd-vo AN SSSR, 1956, pp. 16-22. (In Russ.).
9. Chertykova M. D. *Khakasskaya leksema kharakh "glaz; glaza" kak oposreduyushchee zveno mezhdu telesnoi i dukhovnoi prirodoi cheloveka* [Khakas token *harah* "eye; eyes" as a mediating link between the bodily and spiritual nature of man]. In: *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika Amurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Theoretical and Applied Linguistics of the Amur State University]. 2019, No. 5(4), pp. 140-151. (In Russ.).
10. *Khakassko-russkii slovar'* [Khakas-Russian dictionary]. Khakas – orys sostigi. Pod obshchei red. O. V. Subrakovo. Novosibirsk, Nauka, 2006, 1114 p.
11. *Drevnetyurkskii slovar'* [Ancient Turkic dictionary]. V. M. Nadelyaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenishev, A. M. Shcherbak. Leningrad, Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1969, 676 p.
12. Shamina L. A. *Uslovnnye konstruktsii v tuvinskem yazyke* [Conditional constructions in the Tuvan language]. In: *Grammaticheskie issledovaniya po tyurkskim yazykam: sb. nauch. st.* [Grammar studies in Turkic languages: collection of scientific articles]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 1988, pp. 95-103. (In Russ.).
13. Cheremisina M. I. *Upravlenie kak klass sintaksicheskikh syazei* [Management as a class of syntactic links]. In: *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages and folklore of the indigenous peoples of Siberia]. 2013, No. 1, pp. 4-29. (In Russ.).
14. Efremov N. N. *Otnosheniya obuslovlennosti v yakutskom yazyke: tselevye konstruktsii* [Conditionality relations in the Yakut language: target constructions]. In: *Gumanitarnyi vektor* [Humanitarian vector]. 2016, vol. 11, No. 3, pp. 98-104. (In Russ.).
15. *Grammatika khakasskogo yazyka* [Grammar of the Khakas language]. Pod red. N. A. Baskakova. Moscow, Nauka. Gl. red. vost. lit-ry, 1975, 420 p. (In Russ.).

16. Kaksin A. D. *Glagol'noe vyrazhenie semantiki vospriyatiya v kazymskom dialekte khantyiskogo yazyka* [The verbal expression of the semantics of perception in the Kazym dialect of the Khanty language]. In: *Filologiya i chelovek* [Philology and Man]. 2017, No. 3, pp. 163-171. (In Russ.).
17. Chertykova M. D. *Semantiko-kognitivnaya kharakteristika khakasskikh glagolov so znacheniem vospriyatiya i ikh leksicheskikh sootvetstvii v drugikh tyurkskikh yazykakh* [Semantic and cognitive characteristics of Khakas verbs with the meaning of perception and their lexical correspondences in other Turkic languages]. Abakan, Izd-vo KhGU im. N. F. Katanova, 2019, 160 p. (In Russ.).
18. Cheremisina M. I. *Analiticheskie sposoby vyrazheniya otsutstviya i otritsaniya v tyurkskikh yazykakh Yuzhnoi Sibiri* [Analytical methods of expressing absence and negation in the Turkic languages of Southern Siberia]. In: *Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri* [Languages of Indigenous Peoples of Siberia]. 1996, iss. 3, pp. 3-40. (In Russ.).
19. *Tuvinsko-russkii slovar'* [Tuvan-Russian dictionary]. Pod red. E. R. Tenisheva. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1980, 646 p.
20. *Yakutsko-russkii slovar'* [Yakut-Russian dictionary]. Pod red. P. A. Sleptsova. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1972, 568 p.
21. Moiseeva S. A. *Osobennosti polisemii glagolov vospriyatiya (na materiale zapadno-romanskikh yazykov)* [Peculiarities of the polysemy of the verbs of perception (on the material of the West Romance languages)]. In: *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Scientific statements of BelSU. Series: Humanitarian sciences]. 2008, No. 2, pp. 39-49. (In Russ.).
22. Subrakova O. V. *Yazyk khakasskogo geroicheskogo eposa* [The language of the Khakas heroic epic]. Abakan, Khakasskoe kn. izd-vo, 2007, 182 p. (In Russ.).
23. Chertykova M. D. *Leksiko-semantichekie gruppy glagolov khakasskogo yazyka (glagoly so znacheniem psikhicheskoi deyatel'nosti): uchebno-metodicheskii kompleks po distsipline: slovar'-spravochnik* [Lexical and semantic groups of verbs of the Khakas language (verbs with the meaning of mental activity): educational and methodical complex for the discipline: dictionary-reference book]. Abakan, Izd-vo Khakasskogo gos. un-ta im. N. F. Katanova, 2016, 172 p. (In Russ.).